

ГЛАВА I.

В тѣх пор, как Пушкин вдохновенный,
На зло безчувственной вселенной,
Роман чувствительный создал,
Стрѣлою ямба в сердце прозы
Лишь М. Ю. Лермонтов стрѣлял,
Нынѣ, шип Парнасской розы,
Проклятьем ноющей занозы,
Напѣвах Бальмонта застрял!...
Позвольте ж, вѣрные славяне,
В стопах, знакомых вам заранѣ,
Преподнести другой роман,
Горечь сокровенных ран
Влить в лирическом канканѣ.
Вовсѣм не русское словечко
Для чисто русскаго сердечка,
„Канкан“, повѣришь ли, Кузьма,
Не хуже слова „кутерьма“.
Так—начнем, начнем уютно,

Как говорится—не спѣша—
Мы—люди русскіе: Попутно
Успѣет русская душа
Потолковать о том, что бѣло,
О том, что вдруг порозовѣло,
О том, что Родина красна
Не только красному бандиту,
И не царя, а динамиту
Захочет русская шпана!
„Мой дядя, самых честных правил
Когда не в шутку занемог“—
Конечно, денег не оставил,
А просто умер, как сапог!
О, Пушкин, Пушкин! Если б знал ты
В каких годах родился я.
Какіе бѣшеные гвалты
Должна терпѣть душа моя!
Бывало—честь и благородство
Водили жизнью. Нынѣ, глянь,—
Вездѣ иль хамство или скотство,

ль просто молодая дрянь!
ывало—полный вдохновенья,
от свободныя творенья
юбимцам Музы посвящал,
с грядок счастья срывал
го спасительныя розы,
нынѣ мір сплошное стадо,
лицемѣрье вѣчно радо
ровозглашать один скандал
ершиной дѣл житейской прозы.
кая скуна, Боже мой,
одить с восторженной душой
толпѣ крикливых монархистов,
(довольно часто—аферистов),
изъездов, просто чудаков
и всяких прочих мудрецов!
кая скука быть поэтом,
кая грусть, святым привѣтом
внугоих тварей угощать,
лишь глупѣйшим их отвѣтом

Живую Музу вдохновлять!
Да, свѣтлый Пушкин. если б нынѣ
Ты мір ничтожный описал,
Никто б в его нѣмой пустынь
Твоих стихов не услышал.
Он знает сам, что жизнь прогнила.
Что всѣм сердцам давно постыло
Бороться хмуро и бѣдно
За право жизни лишь одно.
Его не тронет рѣчь поэта
И для него ль стихи мои?
Так что же? Пусть моя планета
Погрязнет в роковой пыли!
Отвѣтите мнѣ—какое дѣло
Моим ликующим словам
До, тѣх. в ком совѣсть отлетѣла
И воцарился наглый Хам?
Меня прочтут мои подруги,
И всѣ подруги их подруг,
Да всѣ друзья. Вѣдь их услуги

полнѣ достаточно: в досуг
и меня учтиво судят,
легка ругают, нѣжно льстят,
хочут, спорят, говорят,
ревность творческую будят.
вас, упрямые враги,
метут жестокіе шаги
всей души нетерпѣливой,
и раздавят вашу спѣсь,
ваш дух отравленный и лживый,
эту пошленькую смѣсь
и саму скушаете здѣсь.
и очень любите болото,
и в нем купаетесь и то-то
и вас уж издали несет
плотным духом. Вот народ!
так, излив свое презрѣнье,
как всѣ поэты всѣх вѣков,
начну писать свое творенье.
скажи же, Муза: я готов.

„На берегах Невы“—простите,
Уж я ошибся. Нѣтъ, не там,
А здѣсь, в Шанхаѣ, много дам
Безмѣрно чудных. Подождите,—
Я должен вас предупредить,
Что я родился на Востокѣ,
Воспитан Дьяволом в порокѣ,
Люблю с Европою шутить.
С Россіей спорить о Мессіи,
С Мессіей плакать по Россіи.
И, хоть упрям, как старый дуб.
Повѣрьте—я совсѣм не глуп.
На что мнѣ сцена возлѣ Волги
Иль на Невѣ, гдѣ слишком долги
Антракты ночи? И зачѣм
Сердцам, влюбленным день и сутки
Нужна Россія, иль гарем,
И прочія такія шутки?
Повѣрьте, критик дорогой.
Народ вездѣ один и тот же!

ѣдь сердце Оливера Лоджа
сердце Глаши круговой
рчь в точь такія же. Один—
овольно знатный господин,
сегда увѣренный в себѣ,
теософической борьбѣ,
в хитром Фрейдѣ, а другая,
Фрейдѣ ничего не зная,
е хуже Лоджа согрѣшит,
даже лучше вдохновит!
так, друзья. в угарѣ нѣком,
окончив с нѣким человѣком,
могу я взяться за роман,
ез скуки и сердечных ран
абыть химеру сѣрых будней,
вдохнуть святую благодать
н, хоть спокойнѣе и нуднѣй,
но, все же, тему продолжать,
н очень мирным рифмобоем
Представить вас моим героям.

Ну, вот.—начнем. Уж третій раз
Я начинаю свой рассказ.
Но, чорт возьми, ужасно трудно
Понять друг друга обоюдно.
Когда один—большой писатель,
А вот другой—простой читатель!
Но все равно—уж так и быть.
Прошу внимательно слѣдить...
Иван Петров, а не Онѣгин.
(Фор Гуднес сек. ум Готтес веген)
Был просто русскій эмигрант.
Имѣл он рожу и талант.
И это все. Он жил в Шанхаѣ,
Гдѣ я, к несчастью своему,
Живу, чтоб ѣздить на трамваѣ,
Писать стихи, мечтать о Раѣ
И проклинять свою тюрьму.
Как Ленин проклял буржуазію.
(Люблю я рифму на Мессію.
И, может быть лишь потому,